

Слёзы Турана -3: Двадцать шекелей серебра

Category: Kitarcy, Taryhy proza

написано kitarcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -3: Двадцать шекелей серебра ДВАДЦАТЬ ШЕКЕЛЕЙ СЕРЕБРА

...Жил у стен Балха сторож соборной мечети. В сраженьях с рыцарями первого крестового похода он получил рану, которая долго гноилась. Лекарь главной мечети прикладывал к этой ране чай и пепел, растирал с пометом слепой собаки. Но даже такие изысканные лекарства не помогли. Сторож умер. Служители мечети долго заботились о его большой семье. Но имам провинился перед эмиром Кумачом и дела мечети пошли на убыль. Писарь, выдававший еду и материю семье сторожа, однажды закрыл ворота перед овдовевшей женщиной.

Жене сторожа было трудно кормить восемь ртов. Вскоре на базаре у еврейских ворот состоялась сделка и была написана купчая, в которой говорилось, что сына сторожа Игдыра, по имени Ягмур, купил у его матери Син-Нури купец Бальмунамхе. За этого парня он отвесил ей двенадцать шекелей серебра. А мать поклялась могущественным эмиром перед... почтенным ювелиром Иби-Плабратом, перед птицеловом Син-Галимом в том, что в будущем она не предъявит претензий.

Так Ягмур попал в руки купца Бальмунамхе, который продал его в огромное поместье под Самаркандом.

Долгий путь проделал Ягмур пешком, пока добирался до неведомого города. У больших, кованых железными брусьями ворот Ягмура обыскали. Стражник нагнул мальчика к наковальне и ловко заклепал бронзовый ошейник.

На большом дворе, выложенном тесаными каменными глыбами, Ягмур осмотрелся. На выступах глинобитной стены, в железном кованом шлеме, с широким щитом из кожи носорога, стоял высокий каракитай, опираясь на тяжелое копьё. На склонах холма виднелись норы – жилища рабов.

Привратник – перс кивнул головой, указал на крайнюю дыру.

– Располагайся пока здесь, а когда взойдет луна и вернутся рабы, мы найдем тебе новое место.

В норе Ягмур увидел каменное ложе, два глиняных черпака и охапку сухих листьев.

Хозяином этой коморки оказался пожилой плавильщик серебра. Старик очень обрадовался парню. Он достал зарытую в сухие листья ячменную лепешку и разделил на двоих.

На большом дворе, выложенном тесаными каменными глыбами, Ягмур осмотрелся. На выступах глинобитной стены, в железном кованом шлеме, с широким щитом из кожи носорога, стоял высокий кара-китай, опираясь на тяжелое копье. На склонах холма виднелись норы – жилища рабов.

Привратник – перс кивнул головой, указал на крайнюю дыру.

– Располагайся пока здесь, а когда взойдет луна и вернутся рабы, мы найдем тебе новое место.

В норе Ягмур увидел каменное ложе, два глиняных черпака и охапку сухих листьев.

Хозяином этой коморки оказался пожилой плавильщик серебра. Старик очень обрадовался парню. Он достал зарытую в сухие листья ячменную лепешку и разделил на двоих.

– По чертам лица, сын мой, я вижу, что ты, как и я – огуз. Разделим этот скромный обед и воздадим хвалу всевышнему за то, что мы еще целы и здоровы!..

Старик долго расспрашивал Ягмура о родине, о Балхе. Сам он когда-то попал в плен к кара-китайцам, а те продали его персидским купцам.

С этого дня Ягмур стал учиться плавить серебро. Мастер охотно делился секретами своего ремесла.

Стояла жара. И у печей, где варилось серебро, казалось, кожу поливали кипятком. Почти всю прошедшую ночь мастер работал: хозяин специальным гонцом возвестил, чтобы срочно выслали новые слитки.

Солнце заканчивало первую половину своего пути, когда Ягмур проходил мимо котла и увидел, что дрова уже прогорели. Юноша обошел дворик, заглянул в кладовые с инструментом и рудой, но мастера нигде не было.

Надзиратели сидели под деревом. Ягмур тихо позвал:

– Мастер Айтак!

И тут юноша увидел: уставший мастер спал на ступеньках бассейна. Ягмур знал, что если надзиратели увидят мастера спящим, его прикуют на самом солнцепеке к столбу и будут жарить до смерти.

Один из надзирателей направился к бассейну.

– Мастер Айтак!..

Мастер вскочил и тут же бросился к печи. Это его спасло.

Вечером, отодвинув угловой камень в полу, мастер достал горсть фиников и протянул юноше в знак благодарности.

С этого дня Ягмуру открылось много новых тайн. Мастер учил его не только плавить серебро. Когда надзиратели, заперев двери, уходили, плавильщик подсаживался с Ягмуром к двери с маленьким вырезом наверху.

– Видишь четыре большие звезды, похожие на ковш, которым мы выгребаем золу? Если после полуночи идти туда, куда показывает самая нижняя звезда, то на двенадцатую ночь ты придешь к стенам священного Мерва. Туда, где течет Мургаб, – сказав это, мастер тяжело вздохнул. – Когда придешь туда, то будешь свободным, как и прежде! Ты можешь встать под знамена великого огуза – султана Санджара и отомстить за все свои страдания.

– Но может ли раб стать воином и сражаться под знаменем султана?

– Пятнадцать тысяч огузов служат при дворце, большинство из них скотоводы... Останешься жив, подари свое сердце родине, мой юный огуз. Да придаст аллах тебе силы! Знай, юноша, что в молодости, когда Санджар воевал против братьев, я не раз бывал с ним в походах, дважды спасал я султана в бою.

Как-то вечером мастер Айтак отодвинул еще раз камень в углу и достал остро отточенный глиняный черепок в виде ножа и тонкую веревку, сплетенную из лоскутов кожи.

Ягмур знал, если надзиратель увидит все это, их должны будут стегать толстой ребристой плетью, вырезанной из кожи носорога.

– Мастер... уста, вы хотите бежать?

– Не кричи... Вот уже вторую весну, как я плету эту веревку. От рабов я узнал про все дороги, расспросил о порядках и законах

разных городов. Запомни, Ягмур, надо добраться до Мерва, а там есть много огузов, служащих при дворе султана. – И уста Айтак заботливо наставлял юношу, делился своими знаниями, накопленными в рабстве.

На шестой день, после большой плавки, сгружая рудную породу с верблюдов, второпях мастер вывихнул себе ногу. Утром он не мог подняться на работу.

– Вставай, кляча! – просунув голову в дверь, кричал надзиратель.

– У него нога сломана, – заступился за своего учителя Ягмур.

– Будь я проклят до седьмого колена, если этот вшивый огуз не считает меня за дурака! Я видел больных и могу отличить их от здоровых. А если я ошибаюсь, то эту ошибку исправит палка! – И он ударил мастера Айтака.

– Клянусь аллахом, – чуть не плача, простонал Айтак, – я не могу встать на больную ногу. Пощади!.. – и он упал на колени.

– Ты зазнался, что хозяин считает тебя лучшим мастером. А я докажу сейчас, что ты только подлый раб.

Ягмур услышал, как ударили палкой. Мастер Айтак вскрикнул и заплакал. Ягмур не выдержал. Он вцепился зубами в жилистую руку стражника, но тот изловчился и ударом палки сбил его с ног. В глазах Ягмура потемнело... Больше он ничего не помнил. А потом их со стариком схватили за ошейники и поволокли к толстому столбу, за который и привязали цепями на целый день. Долго не давали им ни воды, ни пищи. К вечеру следующего дня трое рабов принесли юношу и мастера в каморку.

Чуть занимался рассвет.

– Ягмур, Ягмур! – слышался горячий шепот.

– Мастер Айтак, вам нужна помощь?

– Послушай, мальчик! Я хочу, чтобы ты узнал, что такое свобода. Но прежде поклянись, огуз, что выполнишь мой наказ!..

Юноша встал, подпирая потолок, тихо произнес:

– Клянусь кровью и хлебом!

Мастер положил жилистые руки на плечи юноши.

– После палки надзирателя что-то оборвалось у меня в груди... Чувствую, что больше не увижу я своего родного племени, вольного, как ветер... Вот возьми, – старик достал из-за щеки

золотой предмет. – Если доберешься до моего дома, покажи это кольцо. Тебя хорошо примут. И ты становись под знамя великого сельджукида Санджара. Все ли дороги ты запомнил?

Ягмур поднял голову, ласково и благодарно посмотрел в глаза старика. Вздыхнув, мастер подошел к двери, послушал и осторожно просунул в щель тонкую пластинку серебра. Дверь тихонько открылась. Рабы прижались к затененной стене и поползли к ворогам лагеря. У большого, островерхого камня Айтак снял с себя повязку, прикрывающую бедра, и, плотнее прижавшись к земле, пополз к часовому. И когда тот повернулся спиной, Айтак накинул ему на рот грязную повязку и повалил на землю, ребром ступни сдавив ему горло. Ягмур тоже навалился на стражника. Когда обмякшее тело перестало биться, рабы забрали меч и осторожно подошли к калитке. Оглянувшись, Айтак сорвал с шеи мешочек с пузырьком и вылил из склянки какую-то жидкость в замок... Через недолгое время старик и юноша были на свободе.

Ягмур осмотрелся. Из этих ворот он выходил каждый день, но никогда не замечал, что легкий ветер может быть таким ласковым и приятным. Мастер обнял его за плечи и кивком указал вдаль. У хлопкового поля стоял большой дом управляющего. За невысокой, глинобитной изгородью, перебирая копытами, тихонько ржали четыре лошади. Мастер внимательно осмотрел двух крайних, оценивающе погладил их и осторожно вывел на дорогу.

– Делай все так, как я учил: меняй коня, как только у него на шее появится пот. О небо, да будешь ты в пути молодому огузу щитом и мечом! – он подал юноше отобранный меч у стражника и сильно ударил кулаком коня по крупу.

– Ягмур! – неслось вслед удаляющемуся всаднику. – Берегись горбатого воина – стражника султана Санджара. Это он продал меня в плен. Не верь подлой собаке... Эй, горбун-шакал... гадюка!..

На рассвете в лагере тревожно ударил барабан. Стражники бегали по стенам с факелами и попытались было броситься в погоню, но оставшиеся лошади лежали у коновязи с зияющими ранами от копья.

...Старый Айтак умер, ничего не сказав, хотя угли в жаровне, к которой прикладывали его старческие ноги, пылали синим

ядовитым пламенем. Враги не услышали от гордого огуза даже стопа...

* * *

Первые лучи солнца едва коснулись ветвей тутовника, как молодой воин собрался в дорогу. Аджап распрощалась с ним у порога дома, сильно кашляя и отворачиваясь, и вдруг куда-то скрылась, ничего не сказав.

– Да будет светлым твой путь, бек-джигит! Оградит судьба тебя от стрел и болезней, – напутствовал между тем хозяин Ягмура. – И если тебе в Мерве будет тяжело, то поищи в квартале сундучников дом старого хранителя книг... А за Аджап пусть сердце твое будет спокойно: жен-шины знают очень сладкие травы!..

Нет, не этих, а других наставлений ждал молодой витязь. С тяжелым сердцем покинул он старика. Он спешил. Торопливой рысью бежал его конь по мощеным улицам амульской крепости. И как только ворота остались позади, Ягмур пустил своего жеребца в галоп. За высокой глиняной стеной крепости расстилалась зеленая гладь, на востоке синели вершины бархан, из зеленой низины широким потоком лился пахучий, свежий воздух. Вдруг жеребец вздрогнул и остановился, сдавленный сильными ногами. Его тело вскинулось, круто повернулось на месте и конь рванулся вниз по холму туда, где виднелись гибкие фигурки в легких шелковых платьях.

– Аджап! – воскликнул джигит.

Ему не ответили. Красная точка, как искра от костра, металась по зеленому холму, маня вдаль. Кормилица отстала от девушки на почтительное расстояние, не могла догнать ее, но Ягмур сумел догнать Аджап у рощицы. Они долго ехали рядом. Солнечное приволье. Кони двух молодых всадников ровно цокали по извилистой дороге, оставляя за собой легкие всплески пыли.

А потом, когда они расстались, привстав на стременах, Ягмур долго держал над головой подаренный кинжал в серебряных ножнах.

– Аджап! – крикнул джигит. – Я пил воду из твоего родника. Не

забывай и ты это!.. Аджап... – Конь пустился галопом с места, и сильный порыв ветра унес последние слова юноши в просторную степь.

Ещё долго на зеленом холме виднелось красное платье из легкого шелка. Аджап смотрела на дорогу. Пятнистый аргамак бил копытом в каменистую твердь возвышенности, требуя повода, но сильные руки Аджап сдерживали разгоряченного жеребца. Девушка пристально всматривалась в залитую солнцем даль, в летучую дымку, в которой скрылся одинокий всадник. По щекам Аджам катились крупные, горячие слезы.

Подъехала кормилица. Увидев слезы, она тяжело вздохнула.

– Милая Аджап! – поправляя повязку на груди, сказала она, – не упусти свое счастье. Судьба посылает тебе настоящего джигита.

Продолжение следует >> [Таруhy proza](#)